

Востоковедение: предмет и перспективы развития в России

А. В. Лукин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бульвар, 11
Институт Китая и современной Азии РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32

Для цитирования: *Лукин А. В.* Востоковедение: предмет и перспективы развития в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 234–252. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.202>

В статье на основе анализа исторической эволюции значения понятий «Восток» и «востоковедение» в мировой науке формулируются некоторые предложения по новому подходу к предмету востоковедения как отдельной комплексной отрасли науки и по его развитию в России. Автор предлагает сделать предметом востоковедения уровень вестернизации азиатских и африканских обществ, механизмы взаимодействия западной культуры с традиционными структурами и его последствия, а также изучение этих структур в контексте последующей вестернизации. Китаеведение, а также направления, исследующие другие крупные незападные цивилизации (индология, арабистика, африканистика), останутся в этом случае составными частями востоковедения как более общей научной дисциплины, а не превратятся в части обычного страноведения. Автор утверждает, что устранение недостатков западоцентристского подхода к исследованию Востока, необходимость чего сегодня очевидна, не должно подменяться противоположной крайностью: идеями о превосходстве Востока над Западом или распространяемыми сегодня с того же Запада теориями западного «первородного греха», частью которых являются требования «отменить» востоковедение как науку колониалистскую и расистскую. Уступки этой тенденции приведут не только к новой идеологизации научных исследований, но и к поощрению уже поднимающейся на Западе волны требований «деколонизировать» Россию и ее науку. В сегодняшнем мире российская наука должна сохранить свою классическую объективность и фундаментальность. И здесь сохранение и развитие востоковедения способно сыграть важную роль.

Ключевые слова: Восток, востоковедение, предмет, западоцентризм, цивилизация.

Введение

Изучение восточных обществ имеет многовековую историю. В 1732 г. в Неаполе был основан Университет Востока (Università degli Studi di Napoli «L'Orientale»), до сих пор остающийся одним из самых известных в Европе центров китаеведения и востоковедения. С тех пор востоковедение (Oriental Studies), как, например, и социология, политология, психология, сформировалось как отдельное научное направление и было включено в программу многих университетов мира. Однако, в отличие от других наук, о его предмете, объекте исследования, методологии

и даже о самой возможности и необходимости его существования до сих пор ведутся горячие споры.

Споры эти затрагивают экзистенциальные проблемы востоковедения. Если мы более или менее понимаем, что такое социум, политика или психика как предметы исследования в соответствующих науках (хотя и здесь, конечно, не все однозначно), то что такое Восток? Чем он отличается от «не-Востока» и что именно объединяет именно восточные общества до такой степени, что дает право считать их достойными быть объектом особой науки? Где границы этого Востока и что в него входит? Не являются ли очевидные различия между его составными частями, например Индией и Китаем, Китаем и арабским миром, не меньшими или даже большими, чем различия между Европой и Индией, Европой и Китаем, Европой и арабским миром? Ведь если бы это было так, то не было бы никаких оснований объединять изучение Индии, Китая и арабского мира в рамках единой науки. Наконец, если даже Восток в целом чем-то принципиально отличается от Запада, то почему тогда нет «западоведения» (а также «североведения» и «юговедения»? Нет ли в самой идее востоковедения следа западоцентристского и даже колониального сознания, согласно которому «нормальное» западное общество изучается науками вообще, а для «девиантного» Востока необходимо особое «востоковедение»?

Китаеведению в этом плане проще. Его необходимость можно обосновать без всякого востоковедения, как часть региональных или страновых исследований. Оно могло бы существовать наравне с изучением Британии, Франции, Германии, африканистики или латиноамериканскими исследованиями. Однако у большинства китаеведов такой подход вызовет чувство стремления банализировать предмет их исследования. И это чувство связано прежде всего с тем, что традиционно Китай исследовался не как обычная страна, а как масштабная и уникальная цивилизация, сравнимая не с одной Британией или Францией, а со всей западной цивилизацией в целом. Кроме того, исторически китаеведение развивалось как важнейшая и неотъемлемая часть исследований Востока, то есть востоковедения, и ему присущи все характерные для него методы и подходы. Вне востоковедения сегодня крайне трудно понять проблематику и специфику китаеведения. Все это делает для китаеведов по меньшей мере крайне желательным сохранение востоковедения в качестве отдельной гуманитарной науки, а это требует ее обоснования.

Что такое Восток?

«Востоковедение», естественно, понятие западное, точнее европейское. Оно изначально означало изучение стран и обществ, существовавших к востоку от Европы, хотя и это не вполне точно. Слово «восток», естественно, имелось во многих языках мира как понятие стороны света. Однако исторически привязка его смысла к конкретной территории произошла в Римской империи при императоре Диоклетиане, когда примерно в 300 г. империя была разделена на 12 диоцезов, один из которых назывался Восток (Dioecesis Orientis) и включал в себя провинции западной части современного Ближнего Востока между Средиземным морем и Месопотамией. В 337 г., когда империя была разделена между сыновьями Константина I Великого, была создана преторианская префектура Восток, в которую вошли диоцезы Фракия, Азия, Понт, Восток и Египет.

Распространение христианства наложило на понятие «Восток» не только географический, но и теологический смысл. Однако в этом контексте он был позитивным, так как христианство зародилось на римском востоке и именно оттуда распространилось на всю империю. Так, согласно одному из христианских мыслителей III–IV вв., Лактанцию, кстати, уроженцу Северной Африки, Бог «создал две различные и противоположные друг другу части самой земли, восток и запад. Из них восток близок к Богу, ибо Он — источник света, озаряющий мир, ибо Он задумал родить нас для вечной жизни. Запад же Он определил тому мятежному и превратному духу, ибо тот скрывает свет, вечно наводит тьму и ведет людей к смерти и гибели во грехах». Лактанций описывал апокалипсическую картину краха Рима, когда «обойдет всю землю рубящий все меч, будто бы производящий жатву» и «римское имя, которым теперь управляется все... удалится с земли, и власть возвратится в Азию, и вновь править будет Восток, а Запад будет рабствовать» [1, с. 143, 467–468].

Префектура Восток существовала до VII в., и за это время географическое понятие «восток» стало прочно ассоциироваться с этими частями (позднее — бывшими частями) Римской империи. Таким образом, оно практически полностью совпало с известным еще с греческих времен географическим регионом Азии и северной части Африки. Возникшее гораздо позднее в Европе понятие «востоковедение» стало естественным образом обозначать изучение этих стран, их языков, истории и обществ, которое началось еще в Средние века и выросло из исследований Библии, Корана, а также других текстов, написанных на древнееврейском и арабском языках, и языков, на которых они написаны. Эти языки стали называться восточными.

Таким образом, изучение Востока, или востоковедение, — явление западное, европейское. Первоначально в Европе под Востоком понималось то же, что и в Древнем Риме: современный Ближний Восток и Северная Африка, то есть территории, в то время в основном находившиеся под властью Османской империи. Так как с ней шли постоянные войны, а она была страной мусульманской, то Восток стал ассоциироваться с миром враждебным и антихристианским.

По той же причине враждебной стала считаться и Азия, это понятие по значению стало практически совпадать с «Востоком». Различие и даже противостояние эллинского мира и Азии, противоположность характеров населявших их народов, о которой писали еще греческие авторы, например Гиппократ и Аристотель, и итогом которой были греко-персидские войны, наложило на противостояние «Запад — Восток».

По мере лучшего знакомства европейцев с более далекими государствами Азии: Индией, Китаем, Кореей, Японией — их также стали причислять к Востоку. В результате возникло понятие Дальнего Востока, в отличие от Среднего (Ближнего) Востока (естественно, от Европы). И европейскую традицию описания Востока, слившуюся с греко-римской традицией описания Азии, стали переносить и на эти страны.

Развитие востоковедения в Европе

Развитие отрасли, которая впоследствии стала называться востоковедением, систематически шло в основном в европейских университетах. Поначалу концентрируясь на лингвистике и религиозных вопросах, поле ее внимания постепенно расширялось. Политическая необходимость, например, заставила готовить пере-

водчиков, первоначально для переговоров с Османской империей. В 1514 г. была опубликована Комплютенская Полиглотта — издание Библии на нескольких языках, включая иврит и арамейский. Характерно, что английский священник и писатель Джон Страйп в изданном в 1720 г. «Обзоре городов Лондона и Вестминстера» описал памятник некоему Томасу Ройкрофту в лондонской церкви Св. Варфоломея, который был «королевским печатником на восточных [Oriental] языках» и в 1677 г. напечатал Полиглотту [2]. Из этого ясно, что термин «восточные языки» к тому времени уже широко употреблялся в Англии.

В 1540 г. в Кембриджском университете была введена должность Королевского профессора по ивриту, а в 1643 г. создана кафедра арабского языка. Те же кафедры были созданы в 1546 г. в Оксфорде. В Саламанкском университете должности профессоров восточных языков существуют с 70-х гг. XVI в. Во Франции министр финансов Людовика XIV Ж.-Б. Кольбер ввел программу обучения молодых дипломатов иностранным языкам, которые включали восточные. Изучение Китая начали иезуитские миссионеры, проникшие туда в середине XVI в. и ознакомившие Европу с переводами китайских философских и правовых трактатов. Позднее, уже в XIX в., европейские миссионеры появились также в Японии и Корее и там также стали первыми переводчиками местной литературы на европейские языки.

Дихотомия «Восток — Запад»

Накопление данных о ближневосточных и дальневосточных обществах заставляло европейцев отмечать прежде всего отличия. Казалось, все в этих странах было не таким, как в привычной Европе. И с самого начала появились теории о причинах этих отличий.

Наиболее ранняя и простая из них основана на географическом и климатическом детерминизме. Она возникла еще в Древней Греции. Так, Аристотель в «Политике» делил людей на три типа в зависимости от места проживания. «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем» [3, с. 601]. То есть климат определяет характер, а характер — государственный строй. В эпоху Просвещения эти идеи развивал, например, Ш. Монтескье, объяснявший жарким климатом самые разные азиатские институты — деспотизм, полигамию и даже беспечность правителей [4, с. 9, 60, 210, 245]. Однако эта теория не стала наиболее популярной, так как по мере получения новых данных о мире становилось все более очевидно, что сходные системы правления, например деспотии, могли существовать у народов, живших в самых разных климатических условиях, и наоборот.

В эпоху Просвещения убеждение в европейской исключительности, ранее основанное на представлении о прогрессе духовном, на сохранении откровения, данного Христом, и защите христианства, стало обосновываться экономическим, технологическим и социальным прогрессом, якобы характерным только для Европы. Остальные цивилизации, прежде всего восточные, стали восприниматься как застойные, пребывающие без движения тысячи лет. Монтескье писал, что законы, нравы и обычаи «остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад», и объяснял это ленью тела и ума, связанной с климатом [4, с. 218–219]. Согласно И. Г. Гердеру, все азиатские страны и народы из-за того, что находятся на одном континенте и могут легко общаться друг с другом, несмотря на различия, сходны по ряду признаков, к которым относятся религия, культ предков и деспотизм, который ведет к застою. В результате все они находятся приблизительно на одной ступени развития [5, с. 30, 352]. Китайская империя, по его словам, это «забальзамированная мумия, расписанная иероглифами, завернутая в шелка; внутреннее кровообращение — жизнь животного, погрузившегося в зимнюю спячку», где книги нравов и законов «ходят по кругу и ста различными способами, старательно, дотошно, говорят все одно и то же», а астрономия и музыка, поэзия и военное искусство, живопись и архитектура «те же, что многие сотни лет назад, — это чада вечных законов, неизменного ребячливого строя» [5, с. 297].

Для понимания социального значения понятий «Восток» и «Запад» в XIX в. характерны рассуждения Гегеля о том, что «Азия вообще есть восточная часть света. Хотя она и является западом для Америки, но как Европа вообще есть центр и конец древнего мира и абсолютно есть Запад, так Азия абсолютно есть Восток...» [6, с. 144]. «Здесь восходит внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние» [6, с. 148]. Гегель считал, что «философия в собственном смысле начинается на Западе», так как «в блеске Востока индивидуум только исчезает; лишь на Западе свет превращается в молнию мысли, ударяющую в самое себя и создающую, исходя отсюда, свой мир» [7, с. 146]. Связывает это он с восточным деспотизмом и отсутствием свободы. Философское познание здесь «не может иметь места», поэтому восточную мысль следует исключить из истории философии [7, с. 145]. Китай и Индия находятся «за пределами всемирной истории», в Китае «всякая возможность изменений исключена» [6, с. 160].

Однако, пожалуй, наиболее популярным объяснением отличия Востока от остального мира и его застойности по сравнению с прогрессивной Европой стало экономическое, основанное на представлении об отсутствии на Востоке частной собственности как экономической основы восточной деспотии. Его источником послужила изданная в 1670 г. книга французского путешественника Ф. Бернье об Индии, где он провел несколько лет и служил врачом, в частности был придворным врачом падишаха Империи Великих Моголов Аураунгзеба. В записке оказывавшему ему покровительство министру финансов Ж.-Б. Кольберу, говоря о странах Востока, он заключал: «Эти три государства — Турция, Персия и Индостан, — уничтожив понятия “мое” и “твое” по отношению к земельным владениям, что является основой всего, что есть в мире ценного и прекрасного, поневоле очень похожи друг на друга и имеют один и тот же недостаток: рано или поздно их неизбежно постигнут те же бедствия, та же тирания, то же разорение, то же опустошение» [8, с. 206].

Уже из текста книги Бернье ясно, что эти выводы сформулированы не как результат объективного исследования, а, как часто бывало в то время, для обоснования своих взглядов на внутреннюю ситуацию в собственной стране. Бернье был противником идеи передачи всей земли в собственность короля, которая, по некоторым данным, всерьез обсуждалась при дворе Людовика IV¹, и на примере стран Востока стремился показать, к каким катастрофическим последствиям приводит отсутствие частной собственности на землю. При этом он намеренно или невольно упрощал ситуацию с собственностью в Индии и других странах Азии. В той же записке он давал прямые рекомендации: «Итак, не дай бог, чтобы наши европейские монархи стали собственниками всех земель, которыми владеют их подданные. Тогда их государства оказались бы далеко не в том состоянии, в котором они находятся: не такими обработанными, населенными, хорошо застроенными, богатыми, культурными и цветущими, какими мы видим их теперь. Наши короли гораздо богаче и могущественнее, чем короли Индостана, и надо признаться, что они обслужены гораздо лучше и более по-царски. Между тем они могли бы легко оказаться королями пустынь, нищих и варваров, каких я только что изобразил» [8, с. 206–207]. По его мнению, «отнять собственность на землю у частных лиц — это значит одновременно ввести как неизбежное последствие тиранию, рабство, несправедливость, мошенничество, варварство...» [8, с. 211]. Благодаря таким воззрениям автора, его книга «явилась средством для оппозиционных слоев в борьбе против абсолютизма» [8, с. 41].

Популярность книги Бернье привела к тому, что она стала одним из основных источников по экономике Индии и экономическому устройству «восточного деспотизма» в целом для многих европейских мыслителей XVIII–XIX вв. Ее подход в той или иной степени разделяли А. Смит, Дж. Милль, Р. Джонс, Дж. С. Милль и многие другие. Дж. Милль, например, считал уровень развития частной собственности главным признаком прогресса, поэтому Африка, Египет, Оттоманская империя, остров Ява, Индия и Китай, где вся земля якобы принадлежит монархам, для него стояли на низкой ступени развития цивилизации. Туда же он относил старый Уэльс и доримскую Англию, заселенную пиктами, что свидетельствует о том, что отсутствие частной собственности на землю для него — признак не географической Азии, но определенного уровня развития цивилизации [9, р. 258–260]. Р. Джонс четко связывал эту систему с деспотией: «В Азии монархи всегда обладали исключительным правом собственности на землю в своих владениях, и они сохранили это право до настоящего времени в его полной и злобещей неприкосновенности и неизменности. Народ там повсеместно является арендатором земли у монарха, единственного землевладельца. Одни лишь захваты его чиновников изредка и только на время ломают звенья цепи зависимости. Именно эта всеобщая зависимость от трона в средствах существования и является действительной основой несломленного деспотизма на Востоке, так же как и доходов монархов и формы, которую приняло общество под их пятой» [10, с. 29]. Дж. С. Милль также считал, что «в большей части Индии нет посредника между непосредственным производителем и государством. Земледелец не платит ренту одному, а налог другому: его налог и *есть* его рента (или часть его ренты)» [11, р. 3].

¹ Идея заключалась в том, чтобы получать с земли ренту на нужды двора [8, с. 41].

К. Маркс, для которого важнейшим источником информации об обществах Востока стала книга Ф. Бернье, также следовал этой общей схеме, но развил ее и инкорпорировал в свою историко-философскую систему [12, с. 25]. Он относил азиатский способ производства к самому раннему, исторически первому из четырех докоммунистических способов производства: азиатского, античного, феодального и буржуазного, которые он определяет как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [13, с. 7]. Азиатскую формацию, или способ производства, он описывает по распространенной в его время схеме: отсутствие частной собственности на землю, распоряжение ею крестьянскими общинами, которым земля дается лишь в пользование, но которые могут существовать самостоятельно, однако вынуждены отдавать прибавочный продукт вышестоящей общине, «существующей, в конечном счете, в виде одного лица, и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога» [14, с. 269].

К общепринятому в то время описанию Востока здесь добавлен элемент общины, которая была к тому времени изучена сначала у германцев, а затем и у других народов. Общинная социальная структура, а также необходимость масштабных ирригационных работ являются для Маркса основой деспотической государственной власти [15, с. 132, 135]. Исходя из своей исторической теории, он, как и другие просвещенческие западоцентристы, считал, что колониализм, в частности британский, привел восточные общества к прогрессу, хотя и в крайне жестоких формах. Англия в Индостане, писал он, вызывая социальную революцию, «несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории». Разрушение ей общины «произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией» [15, с. 135–136].

Радикальной версией академической западоцентристской теории было ее превращение на уровне публицистики и политического дискурса в прямое оправдание колониализма, в том числе и на основе откровенного расизма, утверждавшего, что примитивные народы Азии и Африки либо вообще не способны сами управлять собой, либо не могут прийти к оптимальной социальной системе самостоятельно, поэтому им надо «помочь», установив над ними власть для их же блага. В XIX — начале XX в. расистские рассуждения были весьма распространены, их можно было встретить и в работах вполне респектабельных ученых, например, Г. Лебона и Э. Ренана, не говоря уже о публицистах типа автора «арийской теории» Ж. де Гобино и ее более позднего популяризатора Х. Чемберлена, который даже переехал из Англии, где откровенный расизм более не приветствовался, в Германию. Например, у известного историка Библии Э. Ренана читаем: «Природа создала расу тружеников — это китайская раса, с ее чудесной ловкостью рук при почти полном отсутствии чувства собственного достоинства. Управляйте ею справедливо, получайте от нее за такое управление обильные плоды ее трудов на благо расы-завоевательницы — она останется довольна. Раса земледельцев — черная раса. Будьте с нею добрыми и человечными, и порядок будет обеспечен... Раса хозяев и солдат — европейская раса... Пусть каждый занимается тем, для чего создан, и все пойдет хорошо» [16, р. 93–92].

Сегодня прямолинейное противопоставление Востока и Запада как двух целых встречается в основном в публицистике и критически воспринимается в ака-

демической науке. Климатические, психологические и расистские аргументы давно не воспринимаются всерьез. Идея отсутствия на Востоке частной собственности и противопоставления ей общины также вызывает серьезные сомнения, и не только потому, что восточные общества были очень разными. Практически никто из серьезных исследователей Индии, Китая и других крупных государств Востока уже не сомневается в существовании в этих странах частной собственности на землю. Конечно, до определенного времени, как и в Западной Европе, она была иерархичной и не вполне определенной, то есть один и тот же надел мог считаться одновременно собственностью крестьянина, общины и государства (в Европе — еще и феодала).

Например, известный исследователь сельской общины индолог Л. Б. Алаев убежден в существовании в Индии частной собственности: «Податная собственность осознавалась именно как собственность, была юридически защищена от посползований частных лиц (конечно, в индийском понимании юридической сферы — защищена не законом, но освященными догмами, обычаем и, наконец, общиной), обладала всеми прерогативами собственности (правами наследования и отчуждения), но была обременена рядом обязанностей, существенно ее ограничивавших. Кроме того, она не имела защиты от государственной власти» [17, с. 283]. Неверно, с его точки зрения, и противопоставление общинной собственности частной, так как «неразвитость частных прав совершенно не предполагает силу неких других, в данном случае общинных, прав. Последние также развиваются и достигают зрелости тогда же, когда оформляются частные права. Скажем, в Западной Европе в период зрелого феодализма» [17, с. 277].

Критика западоцентризма

Между тем параллельно с радикальным европоцентризмом в подходе к истории и социальному развитию в Европе появилась и его критика, в рамках которой восточные общества оценивались не как стоящие на более низком уровне развития, а как равноценные Европе или отставшие временно и лишь в каких-то конкретных областях, в то время как в других, возможно, и превосходящие западные. Эта критика велась в рамках цивилизационного подхода к всемирной истории, который был основан русским публицистом Н. Я. Данилевским и развит А. Шпенглером, а позднее А. Тойнби и другими. Эти авторы показывали относительность европейского взгляда на мировую цивилизацию и ее эволюцию, пытались смотреть на нее с точки зрения других культур, прежде всего восточных.

Источником этого подхода стали две тенденции. Первая — существовавшая параллельно с европоцентристским отношением к Востоку тенденция по различным политическим и идеологическим причинам представлять социальные системы некоторых азиатских стран в позитивном ключе, иногда даже в качестве примера для Европы. Еще иезуиты, стремясь доказать, что китайцы вплотную подошли к восприятию христианства, весьма высоко оценивали традиционную китайскую мысль, в особенности конфуцианство, пытаясь отмечать сходство некоторых его идей с христианскими. В эпоху Просвещения многие французские авторы — сторонники просвещенного абсолютизма, например Вольтер, Ф. Ламонтт-ле-Вайе, Ф. Кене, изображали Китай как государство ученых, управляемое монархом-мудрецом и образованными чиновниками, сдающими экзамены для получения должности [18, с. 49].

Эта тенденция, впрочем, как и европоцентристская, имела мало отношения к изучению реальных азиатских обществ. Однако ко второй половине XIX века в Европе и США появилось уже довольно много практических знаний о Востоке, многие ученые, дипломаты, миссионеры ездили в страны Азии с разными миссиями и знакомились с азиатскими обществами не понаслышке. Среди них появились и те, кто видел их различные стороны, а также перспективу их развития. Например, американский востоковед и священник У. Гриффис, долгое время проживший в Японии, писал в 1876 г., что эта страна «через некоторое время займет и будет удерживать равное место с ведущими нациями мира» [19, р.576]. В актовой речи в Санкт-Петербургском университете в 1883 г. выдающийся российский востоковед академик В. П. Васильев предрекал Китаю экономический и политический подъем в будущем, когда он окончательно освоит западные технологии, и говорил, что эта страна «имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки политического прогресса» [20, с. 214].

Однако антизападоцентристская тенденция не стала доминирующей в то время. Массированной критике в западной академической науке она подверглась лишь в результате деколонизации, когда в университеты бывших метрополий пришло много выходцев из бывших колоний, принесших с собой антизападную постколониальную риторику. Суть ее состояла в идеализации доколониальных незападных обществ и утверждении, что колониализм не только не дал толчок их развитию, но привел в полный упадок. Соединившись с собственно западной левой идеологией, которая до этого в академической среде была довольно маргинальной, эта тенденция привела к возникновению новых антизападных теорий, которые, претендуя на академизм, по сути также были крайне идеологизированы.

Первоначально в самих освободившихся от колониальной зависимости странах появились различные идеологии «третьего пути», провозглашавшие возможность ускоренного развития, не следующего ни западной, ни советской модели, с упором на уникальные, часто идеализированные национальные традиции. Практически все они отвергали разделение общества на антагонистические классы и классовую борьбу, якобы характерные для капитализма и советского социализма, и провозглашали угнетенными не отдельные классы внутри своих стран, но все население бывших колоний в целом. Ради борьбы с постколониальными проблемами они призывали всю новую нацию объединиться вокруг своих лидеров, тем самым, как правило, оправдывая авторитаризм и даже культ национального вождя [21]. К подобным теориям можно отнести, например, пять принципов «панча сила» Сукарно в Индонезии; концепцию негритюда, выдвинутую Л. Сенгором и другими; «африканский социализм» К. Каунды и Дж. Ньерере. Примерно в это время во многих бывших колониях к востоковедению стали относиться настроенно, как к науке колонизаторов.

Затем на самом Западе появились псевдонаучные направления, вроде «постколониальных исследований» и «критической расовой теории». Все они, тесно связанные между собой, были так называемыми критическими теориями, то есть провозглашали своей целью не объективное исследование постколониальных, прежде всего азиатских и африканских обществ, но их критику и создание основы для их «справедливого» реформирования. Согласно одному из определений, «постколониальная теория», например, представляет собой подход, основанный на базовом утверждении о том, что «мир, в котором мы живем, невозможно понять кроме как

в его связи с историей империализма и колониального правления... В последние тридцать лет он оставался одновременно привязан к факту колониального правления в первой половине XX в. и привержен политическим взглядам, направленным на достижение справедливости в настоящий момент» [22].

Эта программа полностью противоречит сложившемуся в академической науке подходу, согласно которому, как писал еще М. Вебер, исследователь общества должен говорить о «сущем», а не «долженствующем быть сущим» [23, с. 346–347]. Она больше соответствует активистскому подходу К. Маркса, заявлявшему, что философы должны не объяснять мир, а изменять его [24, с. 4]. Высказывание Маркса, впрочем, необходимо отнести не к философии как науке, а к идеологии, так как именно она «прокладывает мост над эмоциональной пропастью между вещами, каковы они есть в действительности и каковыми они должны быть...» [25, р. 55].

Не случайно, что многие отцы-основатели постколониальной теории были не классическими учеными, но политическими активистами. Так, Э. Саид, автор популярной книги «Ориентализм», в которой западное увлечение культурой Востока объявлялось не просто модой, но механизмом навязывания чуждых культурных форм, содействовавших колониализму, поддерживал палестинское движение, состоял членом Палестинского национального совета и боролся с сионизмом и политикой Израиля. Другой влиятельный деятель этого направления, Ф. Фанон, переехал в Алжир, где стал идеологом Фронта национального освобождения и призывал к всемирному антиколониальному восстанию.

Критическая расовая теория (КРТ) — более новое явление. Она была провозглашена на первом ежегодном семинаре по КРТ в Университете Висконсин-Мэдисон (США) в 1989 г., однако своими корнями уходит в «критические правовые исследования» — направление, основанное на марксистских трактовках права и провозглашавшее, что правовые системы западных государств закрепляют угнетенное положение отдельных групп населения в интересах правящей элиты [26]. Сторонники КРТ выделили основную угнетенную группу — цветных в Америке (а затем и в мире в целом), перенесли марксистскую теорию классовых противоречий на расы.

Как и все идеологии, эти теории выделяют основную причину всех исторических бед и дают простой рецепт их устранения. Для антиколониальной теории это уничтожение колониального сознания, для КРТ — «системного расизма» и «белых привилегий» [27]. В сфере изучения Востока это приводит к замене западоцентризма его противоположностью. Запад для Востока из источника прогресса и истинной цивилизации превращается в центр распространения трансцендентального зла: извечного колониализма, расизма и соответствующих форм сознания на Востоке. Тех, кто не принимает подобного подхода, провозглашают сознательными или подсознательными колониалистами и расистами и предлагают подвергнуть перевоспитанию. Естественно, все это не имеет отношения к объективному научному изучению азиатских и африканских обществ.

Борьба с западоцентризмом привела к тому, что на Западе начали сомневаться в самом понятии «востоковедение». С одной стороны, Запад настолько распространился, что для многих его частей понятие Востока утратило прямой, географический смысл: Восток был географическим востоком для Европы, но не для США или Австралии. С другой стороны, социально-политическая критика понятия «Восток» распространилась и на востоковедение. Это привело, в частности, к переименова-

нию многих научных и учебных центров из «востоковедческих» в «центры азиатских и/или африканских исследований». Так, например, в 1970 г. факультет востоковедения Австралийского национального университета был переименован в факультет азиатских исследований. В 2007 г. факультет востоковедения Кембриджского университета стал факультетом азиатских и ближневосточных исследований. Факультеты востоковедения пока остаются в университетах Оксфорда, Чикаго, Рима, Лондона и некоторых других, однако, вероятно, и их вскоре постигнет та же участь.

Одна из причин сложности сохранения востоковедения на Западе заключается в том, что за несколько сотен лет его существования западные востоковеды так и не смогли сформулировать сущность предмета его изучения и то, по какой причине его стоит выделять в отдельную отрасль науки. Если взглянуть, например, на интернет-сайты существующих востоковедческих факультетов, то там на эту тему можно встретить лишь общие слова о том, что здесь изучаются восточные государства и языки. По всем этим причинам судьба востоковедения как единой отрасли науки на Западе представляется печальной. Рано или поздно оно с большой вероятностью распадется на несколько направлений региональных и страновых исследований.

То же самое произойдет и в самих странах Азии и Африки, где востоковедение и само понятие «Восток» было привнесено с Запада. Хотя на определенном этапе идея «Востока» играла здесь важную антизападную роль (вспомним знаменитую китайскую коммунистическую песню «Алеет Восток» или высказывание Мао Цзэ-дуна «Ветер с Востока одолевает ветер с Запада»), но сегодня она все чаще подвергается критике как часть западоцентристской и колониалистской риторики.

Особенности востоковедения в России

Востоковедение в России развивалось со времен Петра I в целом успешно, внося существенный вклад в мировую науку и способствуя реализации внешнеполитических задач нашей страны. Хотя в целом российское востоковедение подверглось значительному влиянию европейского, с самого начала оно имело важные особенности. Основной российской особенностью стал комплексный подход, междисциплинарность: востоковедение с XIX в. считалось отдельной отраслью знания, находившейся на стыке нескольких наук: истории, филологии, лингвистики, социологии и экономики. В России истинный востоковед всегда должен был обладать всей полнотой знаний, изучаемых этими науками, в отношении своего региона и его языка, иметь общее понимание проблем филологии и культуры и уметь сопоставлять свой регион по этим параметрам с другими. При этом отличительной чертой российского востоковедения была неразрывная связь между наукой и практикой: многие исследователи были заняты частично либо периодически на военной, дипломатической, журналистской, миссионерской и другой практической работе, крупные дипломаты, военные и миссионеры преподавали в вузах и вели научные исследования. Как отмечал основатель российской школы индологии И. П. Минаев: «У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слишком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлеченно. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а поэтому востоковедение у нас не могло не находить себе практического приложения» [28, с. 89]. Другой

выдающийся востоковед академик С. Ф. Ольденбург сформулировал это так: «Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала» [29, с. 149].

В результате, помимо западной ориенталистики, влияние которой как источника выразилось в приглашении в Россию ученых из Европы и публикации европейских исследований на русском языке, российское востоковедение имело несколько других источников. П. М. Шаститко относил к ним еще практическое востоковедение, обслуживавшее военное и дипломатическое ведомства и обеспечивавшее интересы внешней торговли и миссионерскую деятельность, а также «традиционные (обычно религиозные) научные школы восточных народов, вошедших в состав Российской империи, которые изучали национальные культуры и истории своих и сопредельных стран» [30]. Последнее очень важно: для России Восток был не только внешним, но и внутренним объектом изучения, так как часть России сама была «Востоком».

Здесь можно вспомнить вклад, внесенный в российское востоковедение коллегией, а затем министерством иностранных дел, где специальные «азиатские» подразделения существовали с 1797 г. Выделяется деятельность, например, руководителя Азиатского департамента МИД, крупного дипломата и ученого, знатока Востока Е. П. Ковалевского, по инициативе которого в азиатские страны были направлены крупные научно-дипломатические миссии, проводившие большую исследовательскую работу. Не меньшую роль играли исследования и экспедиции военных: ираниста и африканиста генерала И. Ф. Бларамберга, специалиста по Османской империи Ф. Ф. Берга, индолога генерала А. Е. Снесарева, руководителей экспедиций в Центральную Азию, Китай и Тибет Н. М. Пржевальского и П. К. Козлова, военного исследователя Китая М. И. Венюкова и других. Огромное значение для развития российского востоковедения имели труды руководителей и сотрудников православных миссий в Иерусалиме, Китае, Японии, Корее и Иране (Урмийской). Хорошо известна деятельность востоковедов — выходцев из восточных народов Российской империи: Ч. Валиханова, А. Доржиева, Г. Ц. Цыбикова и других. Выдающийся российский востоковед В. В. Бартольд отмечал: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе» [31, с. 418].

Важно и то, что для России изучение Востока с самого начала играло роль в поисках собственной идентичности, отличной от западной. Неслучайно автором одной из первых программ по развитию востоковедения был граф С. С. Уваров, который позднее, став министром просвещения, разработал знаменитую концепцию уникальной стабильности России по отношению к Западу, основанную на формуле «Православие, самодержавие, народность». Уваров отмечал, что благодаря углубленному изучению Азии Россия не только «внесет огромный вклад в дело общего просвещения», но и принесет духовное облегчение наследникам Французской революции и Наполеоновских войн, которые «устали от кровавых ужасов, совершенных во имя человеческого духа» [32, р. 8–9]. Большими энтузиастами изучения Востока были славянофилы и панслависты А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский, энтузиаст изучения Османской империи К. Н. Леонтьев, сторонник особой роли России в Азии Э. Э. Ухтомский и другие.

В результате совместных усилий и сложившихся особых обстоятельств востоковедческое образование в России уже к середине XIX в. достигло высокого уров-

ня. Оценивая его в Санкт-Петербургском университете, один из энтузиастов этого образования, декан факультета восточных языков В. В. Григорьев писал, что там «устроилось... то, чего нет еще ни в каком другом из университетов Европы и что в таком виде по праву только в России и должно было возникнуть» [33, с. 125]. Неслучайно в 1876 г именно в Петербурге под председательством В. В. Григорьева прошел III Международный съезд востоковедов.

В советское время описанные особенности российского востоковедения в целом сохранились. Государство начало более систематически использовать исследование стран Азии и Африки для поисков союзников СССР в борьбе с мировым империализмом в рамках господствовавшей марксистско-ленинской идеологии. Эта идеология в сфере теории сохранила западоцентризм и пыталась втиснуть восточные общества в рамки единой так называемой пятичленной теории развития мира. В то же время к концу существования СССР идея принципиального отличия восточных обществ от европейских всплыла в оболочке марксизма в виде возрожденной концепции «азиатского способа производства». Тем не менее, несмотря на общую идеологизированность, советские ученые смогли сохранить научные школы и даже серьезно продвинуться в изучении восточных обществ.

О предмете востоковедения

В целом именно особенности российского подхода к азиатским и африканским обществам, его комплексный, междисциплинарный и практический характер привели к тому, что большинство российских исследователей не соглашались сегодня с нынешней западной тенденцией отказа от востоковедения как отдельной отрасли науки и разделения его в рамках обычного регионоведения или страноведения. Поэтому именно в России постоянно предпринимаются попытки определить предмет и задачи востоковедения как науки. Пожалуй, наиболее амбициозный проект в этой области осуществляется в последние годы группой востоковедов в Санкт-Петербурге. В «Введении в востоковедение», вышедшем под редакцией Е. И. Зеленева и В. Б. Касевича в 2010 г., современное востоковедение определяется как «междисциплинарная интегрирующая наука, ставящая задачу изучать в максимально широком феноменологическом спектре многообразие искусственных форм и социально обусловленных моделей поведения, творческой деятельности и уровня развития социумов преимущественно азиатско-африканского пространственного ареала, рассматривая их социокультурное бытование в контексте научной парадигмы глобального взаимодействия культур и цивилизаций» [34, с. 15].

Из этого определения, включающего в себя основные элементы российского подхода, не вполне ясно, почему описанная и с успехом применяемая многими российскими востоковедами комплексная и междисциплинарная методология должна использоваться для исследования именно социумов азиатско-африканского пространственного ареала, а не, например, Европы или Латинской Америки. Ведь и там она может привести к полезным результатам. Пытаясь объяснить это, сторонники данного подхода определяют восточные общества как «традиционалистские», то есть утверждают, что их объединяет именно традиционализм, выделяя несколько его признаков: иерархия ценностей (авторитет истории), архетипическое мировосприятие, временной, а не пространственный характер культурных координат, аперсо-

нализм (коллективизм, эгалитаризм), преобладание обычного права по отношению к писаному закону, роль традиционной религии (до христианства) и т. д. [34, с. 18–22].

Таким образом, проводится новая, пожалуй, наиболее комплексная, попытка найти принципиальные сходства между всеми восточными обществами и их отличия от западных в рамках дихотомии «Восток — Запад». Но здесь опять возникают вопросы. Во-первых, подобные попытки весьма напоминают основанный на западоцентризме подход, корнями уходящий еще в Древнюю Грецию, суть которого — простая идея о том, что все, что непохоже на Европу, в основе своей одинаково и застойно либо находится на более низком этапе развития. Ведь в понятии «традиционализм» явно заложен какой-то временной или стадийный смысл, идея, что подобные общества развиваются не параллельно с европейским «модерном», но исторически предшествуют ему. Во-вторых, неясно, почему традиционализм является характеристикой именно Востока, ведь находил же Дж. Милль признаки отсутствия частной собственности в древнем Уэльсе и в доримской Англии, а К. Маркс, судя по всему, считал «азиатский» способ производства характерным не только для Азии, а первой стадией развития многих обществ. Почему тогда наука, изучающая традиционное общество, должна называться «востоковедением», а не, например, «традиционоведением»?

Поэтому, отдавая должное усилиям данной группы исследователей, особенно в определении востоковедения как комплексной и междисциплинарной науки, следует предложить несколько иной подход. На наш взгляд, поиски факторов, объединяющих восточные общества в рамках дихотомии «Восток — Запад», являются бесперспективным занятием. Конечно, все человеческие общества имеют что-то общее. Но обосновать предмет востоковедения как отдельной науки может только такая общность, которая отличает именно восточные общества от всех других и является более фундаментальной, чем их отличия друг от друга и каждого из них от обществ невосточных. Но таким образом вряд ли возможно обосновать, почему Индию и Китай должна изучать одна наука, а Европу и Индию — разные. Китай и Индия отличаются друг от друга не меньше, чем Европа от каждого из этих двух азиатских гигантов. Все три эти цивилизации вполне равноценны в смысле своей уникальности.

Но сегодня в глобализованном мире мы сталкиваемся с явлением, которое характерно для всех незападных цивилизаций и которое может обосновать отдельную науку о них. В своей основе глобализация означает вестернизацию, то есть распространение форм европейской цивилизации на весь остальной мир. Предыдущие исторические периоды также знали экспансию различных цивилизаций, но ни одна из них не смогла распространить свое культурное и тем более политическое влияние на весь мир, не стала глобальной. Ни в период эллинизма, ни во время расцвета Римской империи, ни в Средние века Запад не распространял своего влияния на большую часть земного шара. Китай, Индия, государства Южной Америки сохраняли собственные культурные и политические формы. Не смогли добиться этого и другие цивилизационные центры: арабский халифат, Османская или Китайская империи в периоды своего наибольшего расширения. Но в современном мире возможно говорить о распространении основных элементов западной, по терминологии Тойнби, необычайно расширившейся «франкской» цивилизации на весь мир. В сегодняшнем мире нет общества или страны, в той или иной степени не позаимствовавших западных политических, социальных или культурных форм.

Даже в государствах, строящих свою политику на традиционализме и псевдовозвращении к основам собственной культуры, типа Ирана или Афганистана, действуют партии и парламенты, работают банки, министерства и другие учреждения западного типа, значительная часть населения одевается в западную одежду. Даже в Саудовской Аравии западное влияние на образование, экономику и быт вполне существенно. Таким образом, можно говорить, что для всех незападных, прежде всего азиатских и африканских, обществ характерна та или иная степень вестернизации. Предметом единой науки об их обществах — востоковедения — в этой ситуации могут стать уровень этой вестернизации в каждом случае, механизмы взаимодействия западной культуры с традиционными структурами и его последствия, а также изучение этих структур в контексте последующей вестернизации.

В этом случае востоковедение уходит от обвинений в попытке стричь восточные общества под одну гребенку, создать единую модель Востока. Да, Китай, Индия и арабский мир различны, но они едины в том, что им пришлось столкнуться с мощнейшей западной культурной и политической экспансией, и они все дают на нее собственный ответ, в чем-то различный, но в чем-то и схожий. Изучением этого ответа, его истоков и результатов и могло бы заняться востоковедение.

Конечно, и здесь может возникнуть ряд вопросов. Например, что, собственно, считать Западом и, соответственно, западным влиянием. Конечно, в большинстве подходов зародившаяся в Европе и распространившаяся на весь мир цивилизация считается более или менее единой, однако содержание и формы ее культуры существенно менялись со временем. Географически она тоже не стояла на месте: когда-то ее центром была Греция, затем к ней присоединился Рим. В Средние века к ее ареалу в той или иной степени присоединились ранее заселенные варварами территории Западной и Восточной Европы. При этом культурные формы изначальных центров также распространялись на местное население: германские и кельтские народы, затем частично на славян. Однако в рамках предлагаемого подхода под Западом должны пониматься формы, возникшие и распространившиеся в период всемирной экспансии западной цивилизации, то есть начиная приблизительно с XVIII–XIX вв. Основные элементы этих форм в политической, социальной и культурной областях, вероятно, можно было бы выявить и перечислить, хотя для этого и потребуется большая работа.

Другой вопрос, который уже возникал в несколько ином контексте: почему изучение вестернизации незападных обществ должно называться именно востоковедением, и должно ли оно изучать, скажем, вестернизацию обществ, находящихся не только в Азии и Африке, а, например, и в завоеванной испанцами Южной Америке или в Европе в регионах, освобожденных от власти Османской империи и заселенных южными славянами или албанцами. Этот вопрос должен быть уточнен. Впрочем, очевидно, что наиболее древние и устойчивые незападные общества и цивилизации к началу эпохи глобализации находились именно в Азии и Африке.

Заключение

Предлагаемый подход не только делает востоковедение жизнеспособным, но и дает ему конкретный объект исследования, при этом опираясь не только на важность построения новой его концепции, но и на его практические задачи как

важнейшую российскую востоковедческую традицию. Ведь изучение механизмов взаимодействия цивилизаций, механизма вестернизации, реакции на нее и попыток ей противостоять способно дать серьезный материал и для практиков культурного, экономического и политического обменов и даже содействовать решению определенных внешнеполитических задач.

Китаеведение, так же как и направления, исследующие другие крупные незападные цивилизации (индология, арабистика, африканистика), останутся в этом случае составными частями востоковедения как более общей научной дисциплины, а не превратятся в разделы обычного страноведения типа британских, французских или германских исследований. Что касается общих дисциплин типа философии, социологии или политологии, то они будут продолжать изучать закономерности современного глобализованного мира в целом, хотя, конечно, и здесь больший упор должен быть сделан на уход от западоцентризма и изучение соответствующих школ и направлений, сложившихся в незападных частях мира.

Российское востоковедение всегда давало важнейшие средства для диалога цивилизаций, тем самым создавая механизм для налаживания и развития связей между странами и народами. Все эти качества востоковедения становятся особенно актуальными в становящемся многополярном мире. Устранение недостатков западоцентристского подхода, необходимость чего сегодня очевидна, не должно подменяться противоположной крайностью: идеями о превосходстве Востока над Западом или распространяемыми сегодня с того же Запада теориями западного «первородного греха», частью которых являются требования «отменить» востоковедение как науку колониалистскую и расистскую. Уступки этой тенденции приведут не только к новой идеологизации научных исследований, но и к поощрению уже поднимающейся на Западе волны требований «деколонизировать» Россию и ее науку. В сегодняшнем мире российская наука должна сохранить свою классическую объективность и фундаментальность. Она способна стать островом нормальности в разливающемся море идеологического безумия. И здесь сохранение и развитие востоковедения способно сыграть важную роль.

Литература

1. *Лактанций*. Божественные установления. Кн. I–VII. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. 512 с.
2. *Strype J.* A Survey of the Cities of London and Westminster. London, 1720. URL: https://www.dhi.ac.uk/strype/TransformServlet?page=book3_237&display=normal (дата обращения: 25.02.2023).
3. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Акад. наук СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1983. 830 с.
4. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_О%20дукхе.pdf (дата обращения: 25.02.2023).
5. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 350 с.
8. *Бернье Ф.* История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.: Социально-экономическое издательство, 1936. 352 с.
9. *Mill J.* The History of British India. Vol. 1. London: Baldwin, Cradock, and Joy, 1826. 452 p.
10. *Джонс Р.* Экономические сочинения. Л.: Огиз-соцэкгиз, 1937. 392 с.
11. *Mill J. S.* Memorandum of the Improvements in the Administration of India, During the Last Thirty Years, and the Petition of the East India Company to Parliament. London: William Penny, 1858. 129 p.

12. Маркс К. Письмо Ф.Энгельсу 2 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 28. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 814 с.
13. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 805 с.
14. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1968. 317 с.
15. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 736 с.
16. Renan E. La réforme intellectuelle et morale. Paris: Michel Levy Freres, Editeurs, 1874. 341 p.
17. Алаев Л. Б. Частная собственность на землю в древней и средневековой Индии // Алаев Л. Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М.: Восточная литература, 2000. 584 с.
18. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с.
19. Griffis W. E. The Mikado's Empire. New York: Harper & Brothers, 1876. 625 p.
20. Васильев В. П. Китайский прогресс // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 199–215.
21. Лукин В. П. «Идеология развития» и массовое сознание в странах «третьего мира» // Вопросы философии. 1969. № 6. С. 127–141.
22. Elam J. D. Postcolonial Theory // Oxford Bibliographies. 2019. 15 янв. URL: <https://www.oxford-bibliographies.com/view/document/obo-9780190221911/obo-9780190221911-0069.xml> (дата обращения: 25.02.2023).
23. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–643.
24. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 650 с.
25. Geertz C. Ideology as a Cultural System // Ideology and Discontent / ed. by David E. Apter. New York: Free Press of Glencoe, 1964. 342 p.
26. Critical Legal Theory // Legal Information Institute. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/critical_legal_theory (дата обращения: 25.02.2023).
27. Лукин А. В. Теория всеобщего расизма. Новая версия американского культурного доминирования // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5. С. 119–136.
28. Минаев И. П. Об изучении Индии в русских университетах // Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности его ученого сословия за 1883 год, читанный на акте 8-го февраля 1884 года ординарным проф. Ю. В. Сохоцким. СПб.: Тип. Г. Шахт и Ко, 1884. С. 83–102.
29. Ольденбург С. Ф. Новый Восток. Журнал Всероссийской научной ассоциации Востоковедения при НКН / под ред. М. Павловича (Вельмана). Кн. 1. Москва, 1922 [Рецензия] // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга вторая. М.; Пг.: Всемирная литература, 1923. С. 149–151.
30. Шаститко П. Востоковедение в России // Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html (дата обращения: 25.02.2023).
31. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Собрание сочинений. Т. IX. М.: Наука, 1977. 967 с.
32. Oivaroff S. Projet d'une Academie Asiatique, in Etudes de Philologie et de Critique. 2nd ed. Paris: Typographie de Firmin Didot Frères, 1845. 372 p.
33. Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1870. 668 с.
34. Введение в востоковедение. Общий курс / под ред. Е. И. Зеленева и В. Б. Касевича. СПб.: Каро, 2013. 584 с.

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2022 г.,
рекомендована к печати 31 марта 2023 г.

Контактная информация:

Лукин Александр Владимирович — д-р ист. наук, профессор; luкин@iccaras.ru

Oriental Studies as an Academic Field and Its Prospects in Russia

A. V. Lukin

HSE University,
11, Pokrovsky bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovsky pr., Moscow, 117997, Russian Federation

For citation: Lukin A. V. Oriental Studies as an Academic Field and Its Prospects in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, issue 2, pp. 234–252. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.202> (In Russian)

The article analyses the evolution of the concepts of “Orient” and “Oriental Studies” throughout history and offers a new approach to interpreting Oriental Studies as a complex academic field. It also discusses the trajectories of its further development in Russia. The author believes that Oriental Studies should centre upon the degree to which Asian and African societies embraced Westernisation, mechanisms of reception of Western culture by their traditional non-Western structures and consequences of this reception. In accordance with this interpretation, Chinese studies as well as other fields that focus on major non-Western civilisations (Indology, Middle Eastern and African studies) fall into a broader academic category of Oriental studies instead of turning into mere subfields of Area Studies. The article maintains that it is essential to move away from Western-centrism, however, this should not be substituted with the opposing extremes: the ideas of supremacy of the East over the West or the theory of the original sin of the West and its demands to “cancel” the field of Oriental studies as “colonialist” or “racist”. Not only would this trend lead to a new wave of ideologization in academia, it may also trigger a new wave of demands to “decolonise” Russia and its academic circles.

Keywords: Orient, Oriental studies, subject, Westcentrism, civilization.

References

1. Lactantius. *The Divine Institutes*. Books 1–7. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2007. 512 p. (In Russian)
2. Strype J. *A Survey of the Cities of London and Westminster*. London, 1720. Available at: https://www.dhi.ac.uk/strype/TransformServlet?page=book3_237&display=normal (accessed: 25.02.2023).
3. Aristotle. *Collected Works: in 4 vols*. Vol. 4 / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Philosophy. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 830 p. (In Russian)
4. Montesquieu C.L. *The Spirit of the Laws*. Electronic Library “Civil Society”. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (accessed: 25.02.2023). (In Russian)
5. Herder J.G. *Ideas for a Philosophy of Human History*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p. (In Russian)
6. Hegel G. W.F. *Lectures on the Philosophy of History*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 480 p. (In Russian)
7. Hegel G. W.F. *Lectures on the History of Philosophy*. Vol. 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 350 p. (In Russian)
8. Bernier F. *The History of the Late Revolution of the Empire of the Great Mogul*. Moscow, Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1936. 352 p. (In Russian)
9. Mill J. *The History of British India*. Vol. 1. London, Baldwin, Cradock, and Joy, 1826. 452 p.
10. Jones R. *Economic Writings*. Leningrad: Ogiz-sotsekgiz Publ., 1937. 392 p. (In Russian)
11. Mill J.S. *Memorandum of the Improvements in the Administration of India, During the Last Thirty Years, and the Petition of the East India Company to Parliament*. London, William Penny, 1858. 129 p.
12. Marx K. Letter to Friedrich Engels, June 2, 1853. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 28. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1962. 814 p. (In Russian)

13. Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 13. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1959. 805 p. (In Russian)
14. Marx K. Pre-Capitalist Economic Formations. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 46. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1968. 317 p. (In Russian)
15. Marx K. The British Rule in India. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 9. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1957. 736 p. (In Russian)
16. Renan E. *La réforme intellectuelle et morale*. Paris, Michel Levy Freres, Editeurs, 1874. 341 p.
17. Alaev L. B. Private Land Property in Ancient and Medieval India. In: Alaev L. B. *Community in His Life. A History of Several Research Ideas in Documents and Materials*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2000. 584 p. (In Russian)
18. Lukin A. V. *The Bear is Watching the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th–21st Centuries*. Moscow, AST, Vostok-Zapad Publ., 2007. 598 p. (In Russian)
19. Griffis W. E. *The Mikado's Empire*. New York, Harper & Brothers Publ., 1876. 625 p.
20. Vasiliev V. P. The Chinese Progress. *Russian China Studies*, 2022, no. 1, pp. 199–215. (In Russian)
21. Lukin V. P. "Ideology of Development" and Mass Consciousness in "Third World" Countries. *Vo-prosy Filosofii*, 1969, no. 6, pp. 127–141. (In Russian)
22. Elam J. D. Postcolonial Theory. *Oxford Bibliographies*, 2019, January 15. Available at: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780190221911/obo-9780190221911-0069.xml> (accessed: 25.02.2023).
23. Weber M. Objectivity of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge. *Selected Works*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 345–643. (In Russian)
24. Marx K. Theses on Feuerbach. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 3. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955. 650 p. (In Russian)
25. Geertz C. Ideology as a Cultural System. *Ideology and Discontent*. Ed. by David E. Apter. New York, Free Press of Glencoe, 1964. 342 p.
26. Critical Legal Theory. *Legal Information Institute. Cornell Law School*. Available at: https://www.law.cornell.edu/wex/critical_legal_theory (accessed: 25.02.2023).
27. Lukin A. The Theory of Universal Racism: A New Version of American Cultural Dominance. *Russia in Global Affairs*, 2020, vol. 18, no. 5, pp. 119–136. (In Russian)
28. Minaev I. P. On the Study of India in Russian Universities. *Report on the State of the Imperial St. Petersburg University and the Activities of Its Academic Community in 1883, Read on the Act on February 8, 1884 by ordinary prof. Yu. V. Sokhotsky*. St. Petersburg, Tipografia G. Shakht i Ko Publ., 1884, pp. 83–102. (In Russian)
29. Oldenburg S. F. "The New Orient". Journal of the Russian Scientific Association of Oriental Studies under the People's Commissariat of Nationalities, ed. by M. Pavlovich. Iss. 1. Moscow, 1922 [A Review]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*, iss. 2. Moscow; Petrograd, Vsemirnaia literatura Publ., 1923, pp. 149–151. (In Russian)
30. Shastitko P. Oriental Studies in Russia. *Entsiklopediia "Krugosvet"*. Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html (accessed: 25.02.2023). (In Russian)
31. Bartold V. V. History of Oriental Studies in Europe and Russia. In: Bartold V. V. *Collected Works*. Vol. 9. Moscow, Nauka Publ., 1977. 967 p. (In Russian)
32. Ouvaroff S. *Projet d'une Academie Asiatique, in Etudes de Philologie et de Critique*. 2nd ed. Paris, Typographie de Firmin Didot Frères, 1845. 372 p.
33. Grigoriev V. V. Imperial Saint Petersburg University During the First Fifty Years of its Existence. St. Petersburg, Bezobrazov and Co. Publ., 1870. 668 p.
34. *Introduction to Oriental Studies. General Course*. Ed. by E. I. Zelenev, V. B. Kasevich. St. Petersburg, Karo Publ., 2013. 584 p. (In Russian)

Received: February 8, 2023

Accepted: March 31, 2023

Author's information:

Alexander V. Lukin — Dr. Sci. in History, Professor; lukin@iccaras.ru